

e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

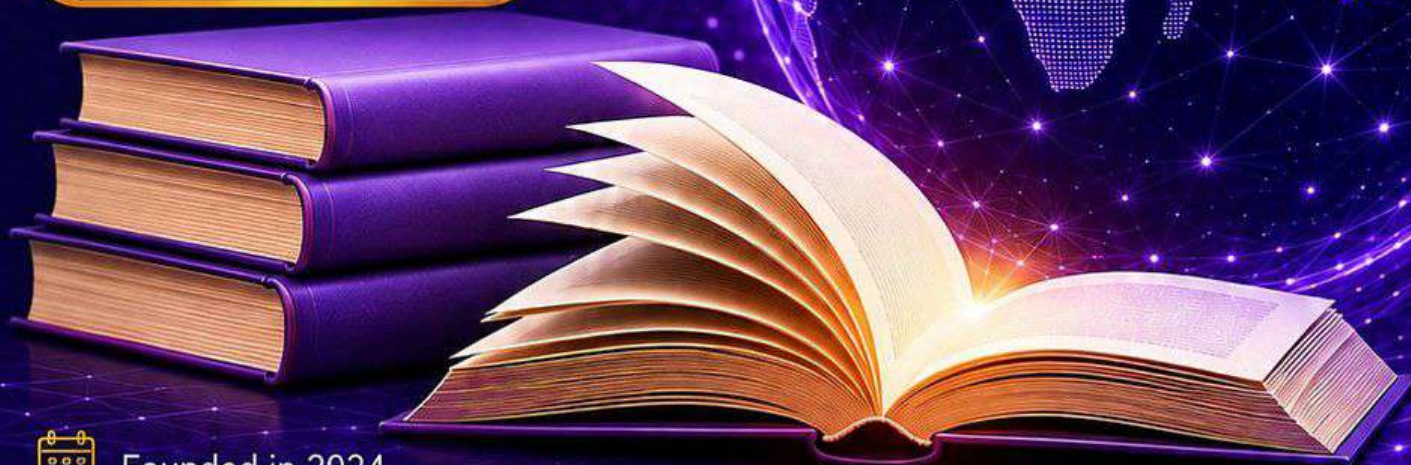
IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in
Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 8

2026

Founded in 2024

publishscience.uz

publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

XX — XXI ASR BOSHlarIDA O‘ZBEK XALQINING MILLIY MAROSIMLARI TRANSFORMATSIYASI: TARIXSHUNOSLIK TAHLILI

Qurbonov O‘tkirbek Marifjonovich

Xo‘jaobod tumani ixtisoslashtirilgan maktabi, o‘qituvchi.

e-mail: utkirbek060282@gmail.com **ORCID:** <https://orcid.org/0009-0001-8817-4878>

Annotatsiya.

Maqolada XX — XXI asr boshlarida o‘zbek xalqining milliy marosimlari transformatsiyasiga bag‘ishlangan tadqiqotlarning tarixshunoslik tahlili amalga oshirilgan. Sovet davri, mustaqillik davri O‘zbekiston va xorijiy tarixshunoslikda oilaviy-maishiy, nikoh-to‘y, tug‘ilish, dafn va xotirlash, taqvimiy hamda xo‘jalik marosimlarini o‘rganishning asosiy yo‘nalishlari ko‘rib chiqilgan. Tadqiqotchilarning an‘anaviy marosimlarga yondashuvlari ijtimoiy-siyosiy va metodologik kontekstga qarab o‘zgarib borganligi ko‘rsatilgan. Sovet etnografiyasida marosimlardagi o‘zgarishlar, asosan, “yangi turmush” konsepsiyasi, diniy sarqitlarni bartaraf etish va sotsialistik marosimlarni shakllantirish doirasida talqin qilingan. O‘zbekiston mustaqillikka erishganidan so‘ng tadqiqotlarda tarixiy vorisiylik, etnomadaniy o‘zlik, diniy tasavvurlar, mahalliy xususiyatlar va madaniyatning an‘anaviy unsurlarini tiklash masalalariga e‘tibor kuchaydi. Zamonaviy xorijiy tarixshunoslikda marosimlar transformatsiyasi an‘anaviylashuv, ijtimoiy modernizatsiya, huquqiy plyuralizm, iste‘mol madaniyati, davlat tomonidan tartibga solish hamda mahalliy ijtimoiy institutlarning o‘zgarishi nazariyalari nuqtai nazaridan tahlil qilinadi. Farg‘ona vodiysi materiallariga asoslangan tadqiqotlarga alohida e‘tibor qaratilgan. Marosimlarning alohida turlariga bag‘ishlangan tadqiqotlar ko‘p bo‘lishiga qaramay, ularning sovet va postsovet davrlaridagi transformatsiyasini kompleks tarixiy rekonstruksiya qilish masalasi yetarli darajada ishlab chiqilmaganligi aniqlangan.

Kalit so‘zlar: O‘zbekiston, o‘zbeklar, milliy marosimlar, an‘analar, transformatsiya, tarixshunoslik, Farg‘ona vodiysi, to‘y marosimlari, oilaviy marosimlar, dafn marosimlari, sovet davri, mustaqillik davri, an‘anaviylashuv.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ УЗБЕКСКОГО НАРОДА В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Курбонов Уткирбек Марифжонович

Специализированная школа Ходжаабдского района, учитель.

Аннотация.

В статье осуществлён историографический анализ исследований, посвящённых трансформации национальных обрядов узбекского народа в XX — начале XXI века. Рассматриваются основные направления изучения семейно-бытовой, свадебной, родильной, погребально-поминальной, календарной и хозяйственной обрядности в советской, постсоветской узбекистанской и зарубежной историографии. Показано, что подходы исследователей к традиционной обрядности изменялись в зависимости от общественно-политического и методологического контекста. В советской этнографии изменения обрядов преимущественно интерпретировались в рамках концепций «нового быта», преодоления религиозных пережитков и формирования социалистической обрядности. После обретения Узбекистаном независимости исследовательский акцент сместился к изучению исторической преемственности, этнокультурной идентичности, религиозных представлений, локальных особенностей и восстановления традиционных элементов культуры. В современной зарубежной историографии трансформация обрядности анализируется с позиций теорий традиционализации, социальной модернизации, правового плюрализма, потребительской культуры, государственного регулирования и изменения локальных социальных институтов. Особое внимание уделяется исследованиям, основанным на материалах Ферганской долины. Установлено, что при наличии значительного количества работ по отдельным видам обрядности комплексная историческая реконструкция их трансформации на протяжении советского и постсоветского периодов остаётся недостаточно разработанной.

Ключевые слова: Узбекистан, узбеки, национальные обряды, традиции, трансформация, историография, Ферганская долина, свадебная обрядность, семейные обряды, погребальные обряды, советский период, период независимости, традиционализация.

TRANSFORMATION OF THE NATIONAL RITUALS OF THE UZBEK PEOPLE IN THE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES: A HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS

Qurbonov O'tkirbek Marifjonovich

Specialized School of Khojaabad District, Teacher.

Abstract.

The article presents a historiographical analysis of studies devoted to the transformation of the national rituals of the Uzbek people in the twentieth and early twenty-first centuries. It examines the main approaches to the study of family and domestic, wedding, birth, funeral and commemorative, calendar, and economic rituals in Soviet, post-Soviet Uzbek, and foreign historiography. The study demonstrates that scholarly approaches to traditional rituals changed depending on the socio-political and methodological context. In Soviet ethnography, transformations of ritual practices were predominantly interpreted within the concepts of the "new way of life," the elimination of religious survivals, and the formation of socialist rituals. Following Uzbekistan's independence, scholarly attention shifted toward historical continuity, ethnocultural identity, religious beliefs, local specificities, and the revival of traditional cultural elements. In contemporary foreign historiography, the transformation of ritual practices is analyzed through the perspectives of traditionalization, social modernization, legal pluralism, consumer culture, state regulation, and changes in local social institutions. Particular attention is given to studies based on materials from the Fergana Valley. The analysis demonstrates that, despite a substantial body of research devoted to individual types of rituals, a comprehensive historical reconstruction of their transformation throughout the Soviet and post-Soviet periods remains insufficiently developed.

Keywords: Uzbekistan, Uzbeks, national rituals, traditions, transformation, historiography, Fergana Valley, wedding rituals, family rituals, funeral rituals, Soviet period, independence period, traditionalization.

Введение. Национальные обряды являются одной из наиболее устойчивых и одновременно наиболее динамичных составляющих этнической культуры. В них отражаются представления общества о семье и родстве, жизненном цикле человека, религии, социальной иерархии, коллективной памяти, хозяйственной деятельности и системе нравственных ценностей. В отличие от отдельных элементов материальной культуры, которые могут относительно быстро изменяться под влиянием технической модернизации, обряд представляет собой сложную совокупность символических действий, социальных отношений и представлений. Поэтому его изменение редко происходит в форме полного исчезновения прежней традиции. Значительно чаще наблюдаются сокращение отдельных элементов, изменение их содержания, переосмысление символики, соединение прежних и новых практик, а также возникновение новых форм, воспринимаемых обществом как традиционные.

История Узбекистана XX — начала XXI века создаёт особенно богатый материал для исследования подобных процессов. За сравнительно короткий исторический период население республики пережило советскую модернизацию, антирелигиозные кампании, Вторую мировую войну и послевоенные социальные преобразования, урбанизацию, распространение массового образования, попытки внедрения социалистической обрядности, кризис позднесоветской системы, восстановление государственного суверенитета, религиозное и культурное возрождение, переход к рыночным отношениям, миграционные процессы и современную глобализацию. Все эти процессы в той или иной степени воздействовали на структуру и содержание национальных обрядов.

Историографическое изучение проблемы позволяет определить не только степень исследованности конкретных обрядов, но и то, как менялись сами научные представления о традиции и её трансформации. Советская, постсоветская узбекистанская и современная зарубежная научные школы использовали различные категории анализа и по-разному оценивали устойчивость традиционной культуры. Особое значение в этом отношении имеют работы Н. П. Лобачёвой, посвящённые формированию новой семейной обрядности в Узбекистане. Исследовательница фиксировала существенное изменение семейного уклада и связанной с ним обрядовой практики, рассматривая этот процесс в контексте общих преобразований советского общества [1–4]. Библиографические данные соответствующих работ Н. П. Лобачёвой подтверждаются каталогами и архивом журнала «Советская этнография».

Цель настоящей статьи заключается в выявлении основных этапов, направлений и методологических особенностей историографического изучения трансформации национальных обрядов узбекского народа в XX — начале XXI века, а также в определении недостаточно исследованных аспектов данной проблемы.

Материалы и методы исследования

Источниковую основу исследования составили научные труды советских этнографов, исследования учёных Узбекистана периода независимости, а также современные зарубежные публикации, посвящённые традиционной культуре, семейной жизни, свадебным и погребально-поминальным обрядам, религиозным практикам, махалле и процессам традиционализации в Центральной Азии.

При проведении исследования применялись историографический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и системный методы. Историографический метод позволил определить изменение исследовательских подходов к национальной обрядности на различных этапах развития историко-этнографической науки. Проблемно-хронологический метод использовался для группировки научной литературы в соответствии с основными периодами её развития. Сравнительно-исторический анализ дал возможность сопоставить советские, постсоветские и зарубежные интерпретации трансформации обрядности. Системный подход позволил рассматривать свадебные, семейные, родильные, погребальные и календарные обряды не изолированно, а как элементы единой этнокультурной системы.

При анализе литературы учитывалось, что понятия «традиция», «обычай», «обряд», «ритуал», «пережиток», «новая обрядность», «возрождение традиций» и «традиционализация» обладают различной методологической нагрузкой. Поэтому существенное внимание уделялось не только содержащемуся в исследованиях фактическому материалу, но и понятийному аппарату, посредством которого учёные объясняли наблюдаемые изменения.

Значительный пласт научного знания о традиционной культуре узбеков был сформирован советской этнографической школой. При всей обусловленности её исследований господствовавшими в то время методологическими установками собранные этнографами полевые материалы имеют исключительно важное значение, поскольку многие зафиксированные ими формы традиционного быта впоследствии существенно изменились или исчезли.

Важное место среди таких работ занимает исследование Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», опубликованное в 1969 году [5]. Автор на значительном этнографическом материале исследовал религиозные представления и ритуальные практики узбеков, выявляя в них различные историко-культурные пласты. Несмотря на то что территориально основное внимание было сосредоточено на Хорезме, применённая исследователем методика историко-этнографической реконструкции оказала существенное влияние на последующее изучение традиционной обрядности узбеков. Библиографические сведения о книге подтверждают издание труда издательством «Наука» в Москве в 1969 году.

Особую роль в изучении **не просто традиционной обрядности, а именно её изменения** сыграли исследования Н. П. Лобачёвой. В статье «О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана», а затем в работе «О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана)» исследовательница попыталась проследить изменения, происходившие в структуре семейных церемоний в условиях советской модернизации [1; 2].

Для рассматриваемой проблемы особенно существенно то, что в работах Н. П. Лобачёвой обрядность предстала не в качестве абсолютно неподвижного культурного наследия. Исследовательница фиксировала взаимодействие традиционных и новых компонентов и тем самым фактически рассматривала механизм трансформации ритуала. Однако этот процесс объяснялся в соответствии с характерной для советской науки моделью поступательного движения от «старого» к «новому». Изменение традиционной семейной жизни оценивалось преимущественно через модернизацию общественных отношений и появление новой советской культуры.

Дальнейшее развитие данное направление получило в монографии Н. П. Лобачёвой «Формирование новой обрядности узбеков» [3]. Значение этой работы для современной историографии определяется прежде всего наличием систематизированного материала о механизмах изменения узбекской обрядности в советских условиях. Автор рассматривала возникновение новых церемоний, изменение традиционных семейных ритуалов и соотношение старых и новых элементов. Монография была издана в Москве в 1975 году и насчитывала около 140 страниц.

Однако уже внутри советской этнографии постепенно усложнялось понимание соотношения «традиционного» и «нового». Показательной в этом отношении является совместная статья Н. П. Лобачёвой и Л. А. Тульцевой «Традиции в современной обрядности узбеков» [4]. Само обращение к сохранению традиционных элементов в современной культуре показывало, что обновление обрядовой системы нельзя было свести к механическому вытеснению прежней культуры новой. Отдельные структурные элементы ритуалов сохранялись, изменяя функцию и семантику либо приспосабливаясь к новым общественным условиям. Статья была опубликована в шестом номере «Советской этнографии» за 1977 год.

Методологически значимой является и статья Н. П. Лобачёвой «Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков)» [6]. В ней свадебная церемония рассматривалась уже не только как объект этнографического описания, но и как источник, способный сохранять информацию об исторических изменениях общества. Работа опубликована в 1981 году в журнале «Советская этнография», № 2, на страницах 36–50.

Таким образом, советская историография накопила значительный эмпирический материал о семейно-бытовой обрядности узбеков и впервые поставила вопрос о механизмах её изменения. Вместе с тем интерпретация этих изменений была тесно связана с идеологическими установками эпохи. Наиболее заметно это проявлялось в использовании таких категорий, как «религиозные пережитки», «новый быт», «социалистические традиции» и «новая советская обрядность».

Данное обстоятельство позднее стало предметом специального критического анализа. N. Sadomskaia в статье «Soviet Anthropology and Contemporary Rituals» исследовала участие советских антропологов и этнографов

в оценке и даже конструировании «новых народных ритуальных форм». Исследование показывает, что изучение современной обрядности в СССР в некоторых случаях было связано не только с наблюдением процессов культурного изменения, но и с практическими задачами формирования новых социалистических церемоний [7].

Это обстоятельство чрезвычайно важно учитывать при использовании советской литературы в современной исторической работе. Содержащийся в ней фактический материал сохраняет высокую научную ценность, но оценочные характеристики традиционных и религиозных элементов требуют критического переосмысления.

После обретения Узбекистаном государственной независимости произошёл существенный методологический поворот в изучении национальной культуры. На первый план постепенно вышли вопросы исторической памяти, национальной идентичности, этногенеза, духовного наследия, религиозных представлений и региональной специфики традиционной культуры.

Если для значительной части советской литературы было характерно противопоставление «традиционного» и «современного», то в новых исследованиях всё большее распространение получает представление о многослойности обрядовой культуры. Элементы, возникшие в различные исторические эпохи, могут сохраняться в одном ритуальном комплексе и одновременно подвергаться переосмыслению.

Заметное место в данном направлении занимают труды А. А. Аширова. В монографии «Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари» автор систематизировал значительный материал по древним верованиям и обрядовым практикам узбекского народа [8]. Работа была опубликована в Ташкенте в 2007 году издательством Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои.

Особое значение для регионального исследования имеют работы А. А. Аширова, основанные на материалах Ферганской долины. Они позволяют рассматривать семейную и религиозную обрядность не как унифицированную общенациональную систему, а с учётом локальной вариативности. Именно региональный подход даёт возможность установить, какие элементы обряда сохранялись наиболее устойчиво, какие подвергались сокращению и какие получали новое содержание в различных исторических условиях.

Новейшие исследования показывают, что проблема трансформации обрядности остаётся актуальной и применительно к современной социальной жизни. В статье А. А. Аширова 2024 года «Что говорят в мечетях Ташкента? Дискурс мусульманского духовенства об ограничении ритуальных расходов» анализируется отношение религиозного сообщества к расходам, связанным со свадьбами и другими церемониальными практиками. Работа демонстрирует, что трансформация современного обряда происходит не только вследствие стихийных социальных изменений, но также через публичную дискуссию о допустимых масштабах церемоний, религиозных нормах и социальной ответственности. Статья опубликована в журнале «Историческая этнология», т. 9, № 3, с. 441–457, DOI: 10.22378/he.2024-9-3.441-457 [9].

Другим направлением современных исследований является изучение календарной и хозяйственной обрядности. Работа А. А. Саримсокова, посвящённая обряду «*qo'sh chiqarish*» у узбеков Ферганской долины, показывает территориальные варианты ритуалов, связанных с началом земледельческих работ. Автор рассматривает такие практики, как *qo'sh chiqarish*, *shoxmoylar* и *qo'sh oshi*, прослеживая их глубокие исторические корни [10]. Работа опубликована в 2024 году в журнале «Историческая этнология», т. 9, № 2, с. 214–223, DOI: 10.22378/he.2024-9-2.214-223.

Таким образом, историография периода независимости существенно расширила предмет исследования. Если ранее основное внимание уделялось преимущественно вопросу замены традиционных церемоний новыми, то современные узбекистанские исследователи всё чаще обращаются к историческим корням обряда, его символике, региональным вариантам и способности традиционной культуры адаптироваться к изменяющимся условиям.

Особое место в современной историографии занимают зарубежные исследования, в которых узбекская и в целом центральноазиатская обрядность рассматривается в контексте более широких концепций социальной антропологии, политической науки, социологии права и исследований постсоциалистических обществ.

Одной из наиболее значимых непосредственно для исследуемой проблемы является статья Tommaso Trevisani «Modern Weddings in Uzbekistan: Ritual Change from 'Above' and from 'Below'» [11]. Она была опубликована в 2016 году в журнале *Central Asian Survey*, т. 35, № 1, с. 61–75, DOI: 10.1080/02634937.2015.1114781. В отличие от подхода, объясняющего изменение обряда каким-либо одним фактором, Trevisani выделяет два взаимосвязанных направления трансформации — изменения «сверху» и «снизу». Исследование показывает, что современные свадебные церемонии формируются одновременно под воздействием государственной политики и вследствие процессов, происходящих внутри самого общества. После обретения независимости свадебная культура Узбекистана становилась всё более дифференцированной под воздействием социальных и экономических изменений.

Особая ценность данного исследования состоит в том, что оно позволяет выйти за пределы упрощённой схемы «традиция — модернизация». Современная свадьба не является ни полностью сохранившимся традиционным ритуалом, ни совершенно новой церемонией. Она представляет собой изменяющуюся конструкцию, в которой могут сочетаться родственные обязательства, локальные представления о престиже, религиозные элементы, потребительские практики и административное регулирование.

Такой подход особенно продуктивен для исторического исследования Ферганской долины, где высокая плотность социальных и родственных связей, роль махалли и устойчивость локальной культуры создают специфические механизмы воспроизводства традиций.

Важный теоретический шаг был сделан Judith Beyer и Peter Finke в статье «Practices of Traditionalization in Central Asia» [12], опубликованной в *Central Asian Survey* в 2019 году. Авторы предлагают анализировать не только «традиции» как уже существующие культурные формы, но и **процессы традиционализации** — то есть способы, посредством которых определённые практики приобретают авторитет традиции, переосмысливаются и воспроизводятся в изменившихся обстоятельствах. Авторы отмечают длительное использование категории традиции в Центральной Азии как местными сообществами, так и российскими и советскими властями.

Применение категории traditionalization имеет существенное значение для исследования узбекской обрядности. Оно позволяет отказаться от представления, будто возрождение определённого обряда обязательно означает точное возвращение к его дореволюционной форме. Практика, воспринимаемая участниками как «древняя» или «национальная», может содержать элементы, возникшие в советское время или даже в последние десятилетия. Следовательно, в историческом исследовании необходимо различать реальную преемственность ритуального элемента и его современную интерпретацию как традиции.

Ещё одно направление зарубежной историографии связано с изучением махалли, неформальных норм и религиозной жизни. В статье Rustamjon Urinboyev «Islamic Legal Culture in Uzbekistan» исламская правовая культура анализируется через этнографическое исследование махаллей в Фергане [13]. Автор показывает, что при переходе от исключительно государственно-центричного понимания права к исследованию повседневных социальных отношений становится заметной продолжающаяся регулирующая роль исламских норм. Исследование опубликовано в 2023 году в *Legal Pluralism and Critical Social Analysis*, т. 55, № 3, с. 402–429, DOI: 10.1080/27706869.2023.2269511.

Для изучения национальной обрядности этот вывод имеет принципиальное значение. Свадьба, похороны, религиозные поминовения и другие церемонии существуют не только как набор символических действий, но и как форма регулирования отношений между семьёй, родственниками, соседями, махаллой и религиозным сообществом. Поэтому изменение института махалли и изменение религиозной жизни непосредственно отражаются на обрядовой практике.

Самостоятельное направление исследований касается государственного регулирования чрезмерных ритуальных расходов. Turkhan Sadigov в статье «Burying Instability: Post-Soviet Governments' Regulation of Funerals» рассматривает причины активного вмешательства ряда постсоветских государств в сферу погребальных расходов [14]. Автор связывает подобные меры с сочетанием социально-экономической нагрузки ритуальных расходов и политических факторов. Статья была опубликована онлайн в 2020 году, а в журнальной нумерации — в *Problems of Post-Communism*, 2021, т. 68, № 1, с. 74–87; DOI: 10.1080/10758216.2020.1716196.

Исследование Sadigov существенно расширяет возможности анализа трансформации погребально-поминальной обрядности. Оно показывает, что расходы на проведение обряда нельзя рассматривать исключительно как бытовую или экономическую проблему. Они связаны с социальным престижем, коллективными ожиданиями и обязательствами семьи перед сообществом. Поэтому государственные меры по ограничению масштаба церемоний неизбежно вступают во взаимодействие с системой неформальных общественных норм.

Современные исследования советской обрядовой политики также продолжают развиваться в самом Узбекистане. N. S. Rasulova в статье «Formation of New Soviet Customs and Traditions Under the Influence of the Communist Ideology in the Uzbekistan SSR» анализирует формирование советских обычаев и церемоний под воздействием коммунистической идеологии [15]. Работа опубликована в 2023 году в *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*, т. 10, № 7, с. 242–248. Автор обращается к попыткам внедрения новых советских церемониальных практик, что делает работу полезной для ретроспективного переосмысления процессов, которые советские авторы описывали непосредственно в момент их протекания.

Сопоставление рассмотренных исследований позволяет выделить несколько основных моделей объяснения трансформации национальной обрядности.

Первая модель, характерная прежде всего для советской литературы, может быть условно определена как **модернизационно-замещающая**. В её рамках предполагалось, что модернизация общества закономерно ведёт к ослаблению традиционных и религиозных практик и формированию новых, соответствующих социалистическому образу жизни. Наиболее ярко подобный подход проявлялся в исследованиях «новой обрядности».

Однако фактические материалы тех же исследователей показывали более сложную картину. Традиционные элементы не исчезали одномоментно. Они сохранялись, сокращались, меняли последовательность, соединялись с новыми формами и получали новые интерпретации. Тем самым собранный советскими авторами материал нередко оказывается богаче использованной ими объяснительной модели.

Вторая модель, усилившаяся в период независимости, может быть определена как **модель историко-культурной преемственности**. В рамках этого направления основное внимание уделяется выявлению древних основ обрядов, этнической специфики, религиозной символики и исторической устойчивости национальной культуры. Значительным достижением данного этапа стало возвращение в научный анализ тем и элементов духовной культуры, которые ранее могли интерпретироваться преимущественно как «пережитки».

При этом чрезмерный акцент только на устойчивости и «возрождении» также может затруднить анализ трансформации. Современная форма обряда далеко не всегда представляет собой простое восстановление дореволюционного образца. Поэтому продуктивным представляется соединение подхода исторической преемственности с анализом конкретных механизмов изменения.

Третье направление, широко представленное в современной зарубежной историографии, рассматривает национальные обряды как **динамические социальные практики**. Их изменение объясняется воздействием сразу нескольких факторов: государственной политики, рыночных отношений, социальных ожиданий, потребительских стратегий, религиозных институтов, локального сообщества, миграции и глобализации. Работы Т. Trevisani, J. Beyer, P. Finke и R. Urinboyev являются показательными примерами такого подхода.

Вместе эти направления позволяют предложить более комплексную интерпретацию. Трансформация национального обряда представляет собой не линейный процесс перехода от «старого» к «новому», а сочетание как минимум нескольких процессов: **сохранения, сокращения, вытеснения, адаптации, переосмысления, восстановления и конструирования новых традиционных форм**.

В контексте историографии национальных обрядов особое значение имеет Ферганская долина. Этот регион характеризуется длительной исторической преемственностью оседлой культуры, высокой плотностью населения, развитой системой локальных и родственных связей и значительной ролью махалли. Одновременно в XX — начале XXI века регион испытал влияние практически всех общереспубликанских процессов модернизации.

Работы, непосредственно использующие ферганский материал, демонстрируют необходимость локализованного подхода. Этнографические исследования религиозных и семейных практик, анализ махалли у R. Urinboyev, исследования современных свадеб Т. Trevisani и изучение земледельческих обрядов А. А. Саримсоковым показывают, что Ферганская долина является не периферийным, а одним из ключевых пространств для изучения механизмов воспроизводства и изменения традиционной культуры.

Вместе с тем существующая литература носит преимущественно тематически фрагментарный характер. Одни исследователи анализируют свадебный цикл, другие — религиозные представления, третьи — хозяйственные обряды, институт махалли или регулирование церемониальных расходов. Это затрудняет реконструкцию общего исторического процесса изменения обрядовой культуры региона.

Особенно недостаточно изучен вопрос о том, каким образом крупные исторические рубежи XX века воздействовали на национальные обряды на локальном уровне. Вторая мировая война могла вести к сокращению материальных затрат и упрощению церемониальных практик; послевоенная советская модернизация — к изменению семейной структуры и развитию официальной гражданской обрядности; позднесоветский период — к сосуществованию официальных и неформальных ритуальных форм; независимость — к переоценке национального и религиозного наследия; рыночные отношения — к коммерциализации части церемониальной культуры; современная глобализация и цифровые коммуникации — к ускорению обмена новыми ритуальными моделями. Однако эти процессы ещё редко рассматриваются в рамках единого длительного исторического периода.

Дискуссия и научная проблема

Проведённый историографический анализ показывает, что к настоящему времени сформирован значительный комплекс исследований национальной обрядности узбекского народа. Достаточно подробно изучены отдельные свадебные традиции, религиозные представления, погребально-поминальная культура, календарные и хозяйственные ритуалы. Советскими исследователями собран обширный этнографический материал о процессах изменения традиционного быта, а учёными периода независимости существенно расширены представления об исторических корнях и духовном содержании национальных обрядов. Современная зарубежная наука ввела в их анализ новые категории — traditionalization, правовой плюрализм, социальное регулирование, потребительская культура и взаимодействие изменений «сверху» и «снизу».

Вместе с тем в историографии сохраняется несколько существенных пробелов.

Прежде всего, большинство работ посвящено отдельным обрядам или сравнительно ограниченным хронологическим периодам. Вследствие этого недостаточно прослежена долговременная динамика одной и той же обрядовой системы через принципиально разные исторические эпохи.

Кроме того, отсутствует достаточная систематизация конкретных механизмов трансформации. Нередко исследователь фиксирует, что обряд «изменился», «сохранился» или «возродился», однако не устанавливает, какие именно его элементы исчезли, какие сохранились, какие изменили семантику и какие появились заново.

Недостаточно разработан и сравнительный региональный аспект. Ферганская долина обладает значительным внутренним культурным разнообразием, поэтому материалы Ферганской, Андижанской и Наманганской областей требуют сопоставления не только с другими регионами Узбекистана, но и между собой.

Наконец, недостаточно изучена связь обрядовой трансформации с конкретными историческими факторами: войной, экономическими трудностями, антирелигиозной политикой, урбанизацией, государственной церемониальной политикой, миграцией, ростом благосостояния, религиозным возрождением, коммерциализацией сферы услуг и развитием цифровых коммуникаций.

Поэтому перспективным направлением исследования представляется историческая реконструкция трансформации национальной обрядности населения Ферганской долины в широких хронологических рамках, при которой свадебные, семейные, родильные, погребально-поминальные, календарные и хозяйственные обряды рассматриваются в единой системе и одновременно анализируются механизмы их изменения на различных исторических этапах.

Заключение. Историография национальной обрядности узбекского народа прошла сложную эволюцию, непосредственно связанную с изменениями научной парадигмы и общественно-политического контекста. Советские исследователи создали значительную источниковую и этнографическую базу для изучения

традиционной культуры, зафиксировав многие обрядовые формы в период их активной трансформации. Особое место в этих исследованиях принадлежит Н. П. Лобачёвой, которая одной из первых систематически обратилась к проблеме формирования новой семейной и свадебной обрядности узбеков. Вместе с тем её работы и значительная часть советской литературы отражали методологические установки своего времени, когда изменение традиционной культуры преимущественно интерпретировалось как движение от религиозно-традиционного быта к социалистическим формам общественной жизни.

В период независимости Узбекистана исследовательская парадигма существенно изменилась. Приоритет получили вопросы исторической преемственности, национальной идентичности, религиозных верований, этнокультурной специфики и локальных форм традиции. Исследования А. А. Аширова и других узбекистанских этнологов позволили значительно глубже раскрыть историко-культурное содержание обрядовой системы и показать её многослойный характер.

Современная зарубежная историография ещё более расширила исследовательские рамки. Работы Т. Trevisani, J. Beyer, P. Finke, R. Urinboyev и Т. Sadigov показывают, что изменение обрядов необходимо связывать одновременно с государственной политикой, социально-экономическими отношениями, локальными сообществами, религиозными нормами, потребительской культурой и процессами традиционализации. Такой подход позволяет отказаться как от представления о неизменности традиции, так и от линейной модели её исчезновения в процессе модернизации.

Проведённый анализ свидетельствует, что национальная обрядность представляет собой динамическую историко-культурную систему. На разных этапах её развития одновременно действуют процессы сохранения, упрощения, исчезновения, адаптации, восстановления и создания новых ритуальных форм. Поэтому понятие «**трансформация**» представляется наиболее продуктивной аналитической категорией для исторического исследования обрядовой культуры.

Несмотря на наличие значительного количества научных работ, комплексное изучение трансформации национальных обрядов населения Ферганской долины в длительной исторической динамике остаётся недостаточно разработанным. В особенности требуется последовательное сопоставление советского и постсоветского периодов, выявление региональных различий между Ферганской, Андижанской и Наманганской областями, а также определение роли политических, социально-экономических, религиозных и культурных факторов в изменении отдельных структурных элементов обрядов. Решение данных задач позволит перейти от описания отдельных традиций к реконструкции целостного исторического механизма трансформации национальной обрядности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобачёва Н. П. О Формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана // *Советская этнография*. – 1967. – № 2.
2. Лобачёва Н. П. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана) // *Советская этнография*. – 1972. – № 1. – С. 3–13.
3. Лобачёва Н. П. *Формирование новой обрядности узбеков*. – Москва: Наука, 1975. – 140 с.
4. Лобачёва Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков // *Советская этнография*. – 1977. – № 6.
5. Снесарев Г. П. *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*. – Москва: Наука, 1969.
6. Лобачёва Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // *Советская этнография*. – 1981. – № 2. – С. 36–50.
7. Sadomskaya N. Soviet Anthropology and Contemporary Rituals // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. – 1990. – Vol. 31, No. 2–3. – P. 245–255. – DOI: 10.3406/cmr.1990.2222.
8. Ashirov A. A. *O'zbek xalqining qadimiy e'tiqod va marosimlari*. – Toshkent: Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston Milliy kutubxonasi nashriyoti, 2007.
9. Аширов А. А. Что говорят в мечетях Ташкента? Дискурс мусульманского духовенства об ограничении ритуальных расходов // *Историческая этнология*. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 441–457. – DOI: 10.22378/he.2024-9-3.441-457.
10. Саримсоков А. А. Обряд «qo'sh chiqarish» у узбеков и его территориальные особенности (на примере Ферганской долины) // *Историческая этнология*. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 214–223. – DOI: 10.22378/he.2024-9-2.214-223.
11. Trevisani T. Modern Weddings in Uzbekistan: Ritual Change from “Above” and from “Below” // *Central Asian Survey*. – 2016. – Vol. 35, No. 1. – P. 61–75. – DOI: 10.1080/02634937.2015.1114781.
12. Beyer J., Finke P. Practices of Traditionalization in Central Asia // *Central Asian Survey*. – 2019. – Vol. 38, No. 3. – P. 310–328. – DOI: 10.1080/02634937.2019.1636766.
13. Urinboyev R. Islamic Legal Culture in Uzbekistan // *Legal Pluralism and Critical Social Analysis*. – 2023. – Vol. 55, No. 3. – P. 402–429. – DOI: 10.1080/27706869.2023.2269511.
14. Sadigov T. Burying Instability: Post-Soviet Governments' Regulation of Funerals // *Problems of Post-Communism*. – 2021. – Vol. 68, No. 1. – P. 74–87. – DOI: 10.1080/10758216.2020.1716196.
15. Rasulova N. S. Formation of New Soviet Customs and Traditions Under the Influence of the Communist Ideology in the Uzbekistan SSR // *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*. – 2023. – Vol. 10, No. 7. – P. 242–248.